ВТОРОЙ СБОРНЫЙ РАБОЧiЙ ДЕНЬ.

ДАННОЕ СЛОВО.

Дѣти опять собрались у бабушки работать. Старушкѣ нездоровится, она лежитъ на диванѣ, слушая дѣтскую болтовню, то улыбнется, то задумается; какъ въ зеркалѣ видитъ и слѣдитъ она за ихъ откровенной бесѣдой, и думаетъ: каждый изъ нихъ родился со своимъ нравомъ, со своими качествами и недостатками, и всѣ они сжаты почти въ одинаковые тиски; выливаются по одному образцу; для добрыхъ зачалъ ребенка нѣтъ простора; прямота и правда пригнетаются свѣтской вѣжливостью, вмѣсто ихъ дается младенцу ложь и лицемѣріе; дѣтскія привязанности направляются туда, гдѣ виднѣе обстановка; нравственные недостатки, неузнанные и несознаные, гонятся въ темный уголъ; тамъ живутъ они, укореняясь на просторѣ, и являются свѣту

подъ чужой личиной; скупость кажется бережливостью, самохвальная расточительность — щедростью, жадность — гастрономіей! Кто же виноватъ? Родители, наставники? И не они собственно, а виноваты цѣлыя поколѣнія!

«Если Мишѣ дать волю, думаетъ старушка, — переходя съ общаго на частности, изъ него выйдетъ забіяка, похвальбишка и объѣдала. Саша — у Саши природа лучше, но ея впечатлительность, ея страшное стремленье къ изящному, могло бы, при дурномъ направленіи, обратиться на внѣшнее; она можетъ увлечься одной наружной красотой, и сдѣлается кокеткой. Зина уже теперь испорчена. Какъ же племяннику удалось сберечь и такъ развить Алю? подумала старушка. — Аля и Сережа лучшіе изъ всѣхъ моихъ внучатъ; правда, Сережа болѣе разумно, чѣмъ нравственно развитъ, но все же онъ лучшій изъ всѣхъ мальчиковъ, которыхъ я теперь видѣла.

— Бабушка, душенька! закричала Лиза, вдругъ вспомня споръ свой съ няней, — скажи, кто изъ насъ роднѣе, я съ Сашей

или я съ Мери? вѣдь мы, бабушка, все равно родня, говорила Лиза, въ какомъ–то робкомъ ожиданіи, поглядывая на бабушку, — дѣвочка очень любила Сашу, и ей хотѣлось, чтобы родство ихъ было самое близкое. Бабушка тотчасъ поняла это, и ласково кивнувъ ей, спросила: Кто родные братья твоей мамы?

— Дяденька Сергѣй Романовичъ и дяденька Алексѣй Романовичъ, отвѣчала Лиза.

— Да, сказала старушка, — родные братья отца или матери тебѣ приходятся родными дядями, дѣти же родныхъ братьевъ или сестеръ приходятся другъ другу двоюродными, какъ ты съ Алей, Мери и Сережей. Ну, Лизочка, а нѣтъ ли у твоей мамы двоюроднаго брата? Лиза задумалась.

— Лиза, Лиза, закричали мальчики, — а дяденька Михаилъ Павловичъ, — вѣдь онъ двоюродный братъ папѣ; стало быть и мамѣ твоей тоже двоюродный братъ.

Дѣвочка молча смотрѣла на бабушку, она уже начинала понимать, что, по родству, Саша ей придется далѣе Мери.

— Ну, Лиза, такъ мама твоя двоюродная сестра Сашиному отцу, а дѣти двоюродныхъ, вы съ Сашей, троюродные, или, что все одно, внучатные.

— Бабушка, такъ я Сашѣ все–таки вѣдь близкая родня? спросила печально Лиза.

— Дружокъ мой, встарину, у насъ троюродные считались близкими, а теперь внучатное родство даже не многими считается родствомъ; но вы съ Сашей навсегда останетесь очень близкими, потому что ростете вмѣстѣ и любите другъ друга.

Дѣти довѣрчиво поглядѣли другъ на друга, и принялись опять за трудную работу въ чулкѣ, за вязанье пятокъ.

— Какая скука вязать пятку, а колпачекъ къ ней еще хуже! вполголоса проговорила Зина. Всѣ дѣти поддакнули; одна Линочка, помолчавъ, чинно и мѣрно сказала:

— Мнѣ ничего, пятку вязать я даже люблю, потому что когда кончу ее, то всегда мнѣ сдѣлается весело. Потомъ, помолчавъ еще немного, прибавила: — мама говоритъ, что всегда бываетъ такъ, когда хорошо покончишь трудное дѣло.

— Дѣти, дѣти! быстро сказала Аля, — знаете ли какой клубокъ есть у Лины, волшебный!

— Линочка, у тебя волшебный клубокъ?

— Лина, какой это клубокъ, отчего онъ волшебный? спрашивали дѣвочки и мальчики, — откуда онъ у тебя?

Порядочная и точная нѣмочка, отвѣчала на всѣ вопросы по очереди: — Мнѣ подарила его моя тетенька, папина сестра; волшебнымъ его называютъ потому, что вяжешь, и вдругъ изъ него выпадетъ конфекта или наперстокъ, или что нибудь другое, замотанное въ него; мой клубокъ большой, какъ два апельсина вмѣстѣ. Тетенька не велѣла его теребить булавочкой и подсматривать; я вяжу, вяжу, а какъ вижу, что изъ–подъ нитокъ начинаетъ что–то показываться, то я его покрою платкомъ,

чтобы не подглядывать; а то, какъ не покроешь его, такъ все на него поглядываешь. А это не хорошо, тетенька не велитъ.

— Честная, правдивая дѣвочка, подумала бабушка; — кто–то изъ моихъ внучатъ смогъ бы дѣлать по твоему. И какъ бы въ отвѣтъ на бабушкину мысль, Саша сказала, обращаясь къ Лизѣ: — Я бы подсмотрѣла! — И я тоже, почти шепотомъ отозвалась Лиза. Зина молчала.

Аличка же, подумавъ немного, сказала: — Лина, я бы на твоемъ мѣстѣ вотъ что сдѣлала: положила бы клубокъ въ клубочную плетеночку, что надѣваютъ на руку, когда вяжутъ чулокъ!

— Да, у меня есть такая корзинка, сказала дѣвочка, — только въ нее не лѣзетъ мой клубокъ, онъ очень великъ.

— А тебѣ уже досталось что нибудь изъ клубка? спросила Мери.

— Да, наперстокъ и шоколадная конфетка.

— Большая конфетка? спросилъ Миша.

— Довольно большая, знаешь, какъ будто палочка шоколаду въ свѣтленькой, блестящей бумажкѣ.

— Аля, послушай, говорила Зина, — я видѣла днемъ Ниночкину парижскую сѣтку, чудо какъ хороша!

— Ахъ да, бабушка, спросила Саша, — скажи, какія это птички, у которыхъ перышки похожи на ракушки, онѣ такія кругленькія, бѣленькія, съ сѣрыми жилками и красными краешками? такими перышками отдѣлана спереди Ниночкина сѣтка.

— Не знаю, дружокъ, я и не помню такихъ птичекъ; въ южныхъ краяхъ бываютъ очень яркія и пестрыя птицы, но по твоимъ словамъ я подозрѣваю, что перья подкрашены.

— Какъ это ты, бабушка, не замѣтила такой хорошенькой сѣтки? спереди точно раковинками убрана, сама бѣлая, а шнурки и кисти красные, точно изъ коральковъ!

— Нѣтъ, дружокъ, не замѣтила; да я и съ молоду не была мастерицей замѣчать наряды.

Лиза съ удивленьемъ слушала старушку, потомъ съ разстановкой сказала: Бабушка, если бы ты была маленькая, то мама часто бы тебя бранила; только ты не сердись за то, что я тебѣ сказала, промолвила робкая дѣвочка, видя бабушкинъ задумчивый взглядъ.

— Нѣтъ, моя Лизочка, я никогда не сержусь за откровенность; а напротивъ того, люблю дѣтей, когда они прямо, не обинуясь, говорятъ то, что думаютъ, сказала бабушка, притягивая къ себѣ золотистую головку ребенка и нѣжно цѣлуя ее въ темя.

— Бабушка знаетъ про Ниночку? вполголоса спросила Аля у Саши. Саша отрицательно покачала головой.

— Что, что такое про Ниночку? спросилъ Сережа.

— Ничего, это нашъ секретъ, отвѣтили дѣвочки.

— У васъ секретъ съ Ниночкой? съ нѣкоторымъ небреженьемъ спросилъ Сережа.

— Не съ Ниночкой, а объ Ниночкѣ, вспыхнувъ отвѣтила Аля.

— Секретъ отъ насъ и секретъ отъ бабушки? это должно быть хорошо и занимательно!

— Вовсе не хорошо, подхватила обиженная Саша, — Ниночка смѣялась надъ нашей бабушкой. Душка, сказала Саша, бросаясь къ бабушкѣ и засыпая ее поцѣлуями, — я тебѣ все разскажу, я бы тебѣ давно разсказала, да боялась огорчить тебя! А вы, братья, уйдите, я скоро разскажу, при васъ же мы разсказывать не станемъ, ужь мы всѣ такъ сговорились!

— Это отчего, нѣсколько обиженно спросили Сережа съ Алешей; а вспыльчивый Миша, пыхтя и краснѣя, прижался къ своему стулу, съ намѣреньемъ не слушаться сестеръ и силой остаться въ комнатѣ. Аля, какъ самая разумная, взялась пояснить все дѣло братьямъ: — Видишь ли, Сережа, Ниночка очень глупо держала себя у Мери, то есть у васъ на вечерѣ, и была за это наказана; намъ не хочется, чтобъ ей еще сверхъ того

досталось отъ васъ, а вы, какъ услышите, такъ навѣрно передадите другимъ, и ее станутъ дразнить.

— Да, да, какъ пчелы зашумѣли дѣвочки, — не надо говорить братьямъ, они разскажутъ мальчикамъ.

Обиженный Сережа, видя, что со всѣми сестрами вмѣстѣ не сговоришь, обратился къ неизмѣнному другу своему: — Послушай, Аля, знать ли, не знать ли Ниночкины глупости, это мнѣ почти все равно, но обидно то, что вы исключаете меня за болтовню! Неужели я не умѣю молчать, если дамъ вамъ слово никому не говорить?

Аля задумалась; потомъ сказала брату: — Я знаю, что ты держишь свое слово; потомъ, обратясь къ дѣвочкамъ, спросила: Сестры, вы какъ думаете?

— Да, это правда, да, отвѣчали онѣ, — Сережа держитъ слово, примемте и его въ секретъ!

Малютка Мери бросилась къ Сережѣ на шею, въ радости, что теперь у нея уже болѣе не будетъ тайны отъ него. Правду

сказать, тайна эта ее очень тяготила; она нѣсколько разъ порывалась сообщить ее милому брату своему Сережѣ, но данное слово удерживало малютку.

— Ну и мы съ Мишей также даемъ слово никому не говорить, закричалъ Алеша.

— Спасибо, насмѣшливо отвѣчали сестры, — знаемъ мы ваше слово!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, проговорилъ Алеша; мальчикъ смутно сознавалъ правоту сестеръ, но не хотѣлъ въ этомъ признаться; а Миша горячился и сердился, думая, что его обижаютъ: — Я вамъ даю честное слово....

— Да что намъ въ твоемъ словѣ, отнимешь и его какъ отнялъ колясочку, закричала Саша, напоминая брату его неправду.

— То колясочка, кричалъ расхорохорившійся Миша, — она мнѣ самому понадобилась!

— Ну и слово твое также понадобится тебѣ самому, отозвалась Аля.

— Нѣтъ, сестры, ужь Мишу ни за что не принимать!

— Не принимать, не принимать, зажужжали дѣвочки, — и Алешу не принимать!

Бабушка взглянула на внуковъ; у Алеши глаза налились слезами, Миша рдѣлъ, какъ піонъ, пыжился и надувался, какъ подымается въ бутылкѣ молодое пиво; но бабушка остановила взрывъ этотъ впору, и не дала ему подняться чрезъ край.

— Охъ, друзья мои, — да какъ же это вы довели себя до того, что не вѣрятъ слову вашему? а слово человѣка великое дѣло! Коли слову не вѣрятъ, значитъ самъ человѣкъ извѣрился.

— Бабушка, они такіе болтуны, такіе болтуны!

— Болтливы, можетъ быть, но развѣ, Алексѣй, ты не сдержишь слова, которое мнѣ дашь? спросила бабушка, протягивая Алешѣ руку.

— Сдержу, бабушка! ты увидишь, скачалъ мальчикъ, радостно хлопнувъ своей рукой въ руку старушкѣ. — Миша,

хлопни и ты, сказалъ Алеша. Миша хлопнулъ, но бабушка, удержавъ его руку спросила: — О чемъ же это мы съ тобою бьемъ по рукамъ, что ты мнѣ обѣщаешь?

— Обѣщаю, живо отвѣчалъ мальчикъ, — что не разболтаю того, что сестры хотятъ тебѣ разсказать.

— Хорошо, Миша, сказала бабушка, сжимая и встряхивая тоненькую ручонку внука, — помни же это! Всегда держись нашей коренной пословицы: «не давъ слова крѣпись, а давъ слово, — держись». Крѣпиться, значитъ удерживаться, не обѣщать чего нибудь зря. Вотъ, друзья, когда вы будете крѣпки въ словѣ, тогда и вамъ станутъ вѣрить, какъ Сережѣ.

— Бабушка, я такъ стану стараться что чудо! сказалъ Миша. — И залегло что–то внутри его, какъ легкая память долга.

Сашу тревожила ихъ дѣтская ссора съ Ниночкой, и она давно бы все разсказала бабушкѣ, но дѣвочка крѣпилась, она жалѣла старушку, ей казалось, что бабушка оскорбится, узнавъ о томъ, что Ниночка насмѣхалась и передразнивала ее. И теперь,

припавъ къ старушкѣ, она грустно глядѣла ей въ глаза. Видя, что Саша собирается съ духомъ, чтобы начать разсказъ, бабушка остановила ее словами: — Постой, Сашинька, постой, дружокъ, не разсказывай мнѣ; хорошо знать про дѣтскія шалости, когда можно остеречь и вразумить ребенка, — съ Ниночкой этого сдѣлать нельзя, — слѣдовательно мнѣ и знать нечего.

— А вы, дѣтки, примолвила старушка, обращаясь ко всѣмъ внучатамъ: возьмите себѣ за правило: никогда не пересказывать слышанной брани или насмѣшки; изъ этихъ пересказовъ выходятъ сплетни, и часто приходится, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, жалѣть о своей болтливости.

— Бабушка, бабушка! ты возьми и съ нихъ слово, какъ съ насъ взяла его, кричалъ Алеша, — такъ вотъ ужь тогда ни за что не станутъ болтать! — Бабушка молчала, внучки такъ же.

— Да пускай–ка и онѣ дадутъ тебѣ слово, тогда небось, не станутъ болтать,

говорилъ Миша, прыгая и съ нѣкоторой угрозой посматривая на сестеръ.

Помолчавъ немного, Аля сказала бабушкѣ: — Я тебѣ, бабушка, слова не даю, но обѣщаю остерегаться пересказовъ; папочка мой также не любитъ ихъ, онъ говоритъ: чѣмъ дѣти говорятъ откровеннѣе о самихъ себѣ и скромнѣе о другихъ, тѣмъ лучше.

— Правда, дитя мое, — это святая правда, но бываютъ иногда случаи, когда дѣти обязаны говорить все, что знаютъ, а именно: когда старшіе ихъ объ этомъ спрашиваютъ, тогда надо говорить все, также для предупрежденія какой нибудь шалости, должны вмѣшаться въ чужія дѣла и сказать родителямъ или наставникамъ своимъ; что же касается до Ниночки, то это дѣло прошлое, вреда ни мнѣ, ни вамъ не было, а пользы отъ нашихъ разговоровъ ей тоже не будетъ, слѣдовательно и толковать нечего.

— А развѣ намъ про Ниночку ничего не разскажутъ? спросили любопытные мальчики, — а слово то наше?

— Какъ же, какъ же, его я вамъ не отдамъ, весело сказала бабушка, — вы сдержите слово всякой разъ, какъ заручитесь имъ. Ну, а о Ниночкѣ, видно, ужь намъ съ вами не узнать!

— То–то же, сказалъ Миша, усаживаясь за работу.

Мальчику началъ нравиться заданный ему нравственный трудъ, и онъ, довольный и гордый, носился съ этимъ новымъ чувствомъ нѣсколько дней, и потомъ сказалъ бабушкѣ, что данное слово очень похоже на игру: беру да помню; и что ему хотѣлось поскорѣе кому нибудь дать слово, чтобы его сдержать.

— Что же, дружокъ, я готова играть съ тобой въ новую игру: даю да помню; давай, хлопнемъ по рукамъ, что ты даже въ шутку не станешь лгать!

— Изволь, ни за что не стану, все буду помнить, что обѣщалъ тебѣ, моя хорошая бабушечка, сказалъ Миша, обвиваясь руками вокругъ шеи старушки.

— Ну ладно, такъ по рукамъ! Саша, ты иди сюда, сказала бабушка, — по

старинному обычаю долженъ быть свидѣтель, который разнимаетъ руки. — Саша съ трудомъ и смѣхомъ отцѣпила Мишину рученку, которою онъ впился, какъ клещъ, въ бабушкину худощавую руку.

ТАЙНА.

Что же это за тайна такая, которую мальчикамъ не удалось, а бабушкѣ не захотѣлось узнать? Тайна эта была дѣтская ссора, на томъ вечерѣ, на который маленькая Мери приглашала сестеръ пріѣхать въ старыхъ платьяхъ; вечеръ этотъ былъ отложенъ по болѣзни ея, и только на дняхъ отпразднованъ, по условію, въ самыхъ простенькихъ платьяхъ, такъ что и Линочка ничуть не стѣснялась своимъ мытымъ платьицемъ; тамъ были еще и другія дѣвочки, и Полинька, и шалунья Варя, и бойкая, насмѣшливая Элиза, и тихонькая, плаксивая Анюта.

Ниночка пріѣхала позже всѣхъ; она вошла, вслѣдъ за матерью своею, мѣрною походкой взрослой дѣвушки. Взглянувъ на Ниночку, дѣти забыли свой уговоръ, не дивиться на ея наряды; завидя чудную сѣтку, убраную разноцвѣтными перышками, они хлынули волной и окружили Нину. Глаза ихъ поднялись на голову, руки многихъ поднялись туда же; но не каждой

рукѣ удалось погладить красивыя, мягкія перышки; не каждой дѣвочкѣ удалось подержать яркія, шелковыя кисти сѣтки; Ниночка была разборчива, она сходилась и дружилась по приказанію матери, которая указывала ей на тѣхъ дѣтей, коихъ родители были знатнѣе и богаче.

— Ахъ, Ниночка, что за прелесть! говорила Саша, въ восхищеніи хлопая руками: — какія это должны быть хорошенькія птички, у которыхъ такія красивыя перышки! Ты не знаешь, какъ ихъ зовутъ? спрашивала она, легонько гладя перяной вѣночекъ.

— Не знаю, коротко отвѣтила Ниночка, и потомъ стала разсказывать о томъ, что сѣточка недавно прислана изъ Парижа, что бабушка видѣла на дочкѣ какой–то герцогини точно такую сѣтку, что платье и башмачки также парижскіе, и при этомъ выставила туго обутую ножку свою.

— Башмакъ, какъ башмакъ, сказала Аля, поглядывая на полусапожки, подобранные къ цвѣту платья, — такіе и

здѣсь найдутся, а вотъ сѣточка такъ очень хороша.

— Желала бы я знать, гдѣ ты здѣсь такіе найдешь, сказала Ниночка, отворачиваясь отъ Али.

— Конечно, нельзя найдти! сказала одна изъ дѣвочекъ, желая угодить нарядной Ниночкѣ, и при этомъ пощупать кисточки и погладить перышки. И Нина повернулась въ ту сторону и спросила: — а ты разсмотрѣла сѣточку? Осчастливленная Варя протянула обѣ руки вверхъ и провела ими по перышкамъ, потомъ, взявъ кисти въ руки, сказала: — Какъ это смѣшно! глядишь, точно кисть изъ коральковъ, а пощупаешь, такъ мягко!

— Ну, что же мы стоимъ, пойдемъ въ гостиную, говорила маленькая Мери, прыгая, но не выпуская руки Лины изъ своей: — пусть мама и тетя и всѣ посмотрятъ, какія на сѣточкѣ чудесныя перышки и кисточки.

Сказавъ это, малютка понеслась съ Линой впередъ; за ними, медленно переступая въ тѣсныхъ парижскихъ

сапожкахъ, шла Нина, окруженная шумною толпой дѣтей.

Въ гостиной Нину осматривали, ласкали, хвалили; бѣдная дѣвочка принимала всѣ эти похвалы на свой счетъ; ей и въ голову не приходило, что она, и богатый нарядъ, двѣ вещи разныя, что можно хвалить и сѣтку и платье, не заботясь о болванчикѣ, на который оно надѣто.

Всѣ дѣти, дѣвочки и мальчики, собрались въ большой столовой пить чай; у нихъ шумно и весело, они дружно таскаютъ стулья, усаживаются, прислуживаютъ другъ другу. Маленькая хозяйка, растянувшись черезъ столъ, щедрою рукой одѣляетъ мелочью изъ корзинки, замѣтивъ, что мальчики не ровно подѣлили добычку, она бѣжитъ туда и равняетъ кучки, добавляя изъ своей корзинки.

— Мери, кричатъ мальчики, торопясь упрятать трубочки, завиточки и лепешочки, — ты мнѣ прибавь!

— Мери, Мери! ты меня забыла, зоветъ шалунья Варя, прикрывая свою долю.

Малютка бѣгаетъ съ корзинкой туда и сюда, какъ насѣдка за цыплятами; дѣти весело справляются съ чаемъ, только жеманная Ниночка какъ бы нехотя пьетъ и ѣстъ.

— А знаете что, говоритъ она, — maman сказала, что въ награду за нашу благотворительность, она непремѣнно устроитъ намъ какое нибудь удовольствіе, и даже въ тотъ вечеръ, когда будемъ розыгрывать лотерею! Сказавъ это, Ниночка величаво посмотрѣла на дѣтей.

— Ниночка! вскричала Аля — болѣе этого у ней на первую минуту не нашлось словъ; душевное негодованье яркой краской бросилось ей въ лицо.

— Мы не хотимъ, сказали въ голосъ Лиза съ Сашей. — Да, не хотимъ, громко закричала ободрившаяся Лиза, настойчиво глядя въ лицо Ниночки. Въ разговорахъ съ бабушкой, загнанная дѣвочка начала чувствовать опору и стала смѣлѣе говорить, что ей нравилось или не нравилось.

— Чего вы не хотите, какая лотерея? спрашивали неучаствовавшія въ ней дѣвочки.

— А вотъ пустите, я вамъ сейчасъ разскажу, кричалъ Володя, продираясь и становясь передъ Ниночкой, — я вамъ разскажу, чего не хотятъ онѣ, сказалъ мальчикъ, указывая на Алю и сестеръ ея, — и чего желаетъ достопочтенная моя сестрица: она желаетъ славы, и я современемъ напишу статью въ энциклопедическій словарь, говорилъ онъ, вскочивъ на стулъ какъ на каѳедру и указывая рукой на Ниночку: — «Нина Марковна Муромская, знаменитая своимъ человѣколюбіемъ, спасла жителей города Симбирска отъ голодной смерти, пожертвовавъ на дѣтскую лотерею работу своей гувернантки...» Раздался общій смѣхъ.

— Володя! кричала Ниночка; но бойкій Володя давно добирался, какъ онъ говорилъ, до своей ломаной сестрицы, и потому продолжалъ, ничуть не смущаясь: — «Такая жертва ставитъ соотечественницу

нашу на ряду съ Ласказасами и Говардами....»

Мальчики громко хохотали, дѣвочки нѣсколько удерживались. Раздосадованная Нина, шумно отбросивъ стулъ, вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вспыльчивая, но добренькая, маленькая хозяйка совѣтовалась въ дѣтской съ сестрами, чѣмъ бы утѣшить и успокоить раздосадованную Ниночку. Всѣ положили извиниться передъ нею, и разсказать или лучше сказать, напомнить ей бабушкины слова о лотереяхъ.

Гнѣвная Ниночка, ходя изъ комнаты въ комнату, зашла въ дѣтскую; дѣти ласково обступили ее, и успокоительныя слова послышались со всѣхъ сторонъ. — Ты, Нина, не сердись, ужь мальчики всегда такіе, надъ всѣми смѣются, всѣхъ дразнятъ; вѣдь это все твой Володя!

— Ну, ужь, всѣ вы хороши! рѣзко замѣтила Ниночка, вамъ же хотятъ сдѣлать удовольствіе, а вы же отказываетесь! Право, точно идіотки какія, ничего не понимаютъ, а смѣются и радуются на

Володины глупости. Такъ продолжала разсерженная дѣвочка, которая, никого не любя, никого не щадила, а при малѣйшей обидѣ фыркала и щетинилась какъ кошка, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, ни друга, ни недруга.

— Нина, ты не сердись, мы смѣялись надъ тѣмъ, что Володя говорилъ, а не надъ тобою.

— Да мнѣ что до того, что вы думаете: стану я объ этомъ заботиться! ѣдко усмѣхнувшись, отвѣтила Ниночка.

Дѣти замолчали. Ниночка свысока, въ полглаза глядѣла на нихъ; она была нѣсколько старѣе Али и Зины, и потому считала себя умнѣе всего этого гнѣздышка сестеръ.

Зина подошла и хотѣла ее обнять, но сердитая дѣвочка ловко увернулась. Видя, что она все еще сердится, Аля начала ее уговаривать: — Ниночка, ты не сердись и за то, что мы отказываемся отъ удовольствія, которое твоя мама хочетъ намъ сдѣлать; ты не можешь себѣ представить, какъ противно

думать о наградѣ за такіе пустяки, да и бабушка наша тоже говоритъ....

— Ну ужь бабушка ваша! подите вы съ нею, точно нянька какая, все съ вами сидитъ; а въ гостиную войдетъ, только и слышно: «тетушка, тетушка, пожалуйте сюда; матушка, вамъ здѣсь покойнѣе, сядьте здѣсь!» А она одѣта такъ, что показаться совѣстно!

Озадаченныя дѣти, привыкшія чтить бабушку, стояли въ изумленіи передъ расходившейся Ниной. Мери первая опомнилась и, подбѣжавъ къ Ниночкѣ, закричала: — Ты не смѣешь такъ говорить про нашу бабушку!

— Видишь, что смѣю, надменно отвѣчала дѣвочка.

— Нѣтъ, не смѣешь, чуть не плача кричали Мери, Саша и Лиза.

— Ужь есть чего не смѣть! съ небреженіемъ сказала Ниночка: — сшила себѣ репсовое платье съ кофтой, да и выѣзжаетъ въ немъ, какъ въ мундирѣ, — совсѣмъ отвыкла отъ порядочнаго общества, еще была бы бѣдная, а то

говорятъ, чуть ли не богаче моей бабушки; такъ ужь, просто, скупая! — А ходитъ то какъ, смѣхъ да и только!

Тутъ Ниночка, оглянувшись по сторонамъ, увидѣла Мерину оправленную на ночь кроватку, схватила съ подушки ночной чепчикъ, и сбросивъ съ себя сѣтку, натянула его на лобъ, потомъ, стащивъ вязаное шерстяное одѣяльце, накинула его шалью на плеча, и пошла старческой походкой вокругъ комнаты, передразнивая старушку. Нѣкоторыя дѣти хотѣли словами остановить ее, а гнѣвная Мери, какъ вѣтромъ вздувшійся парусъ понеслась прямо на нее, но, запутавшись въ кистяхъ валявшейся парижской сѣтки, упала; вскочивъ, она подхватила сѣтку эту, и съ угрозой: — «Хорошо Ниночка, хорошо!» побѣжала изъ комнаты.

Воротясь, она увидала, что Нина еще не хватилась своей потери, и пошептавшись съ сестрами, увела ихъ за собой въ залу; тамъ онѣ, обнявшись, ходили вереницею, негодованье и дѣтское мщеніе волновали каждую изъ нихъ.

— Какъ она смѣетъ бранить мою бабушку! говорила раскраснѣвшаяся, заплаканная Саша, — я никогда не поѣду къ ней.

— И я также, сказала Аля. И Лиза сказала бы тоже, но она знала, что мать ее пошлетъ.

— Злая Нинка! сказала она со вздохомъ: — счастливыя вы, что можете не ѣздить къ ней!

— Сестры, сестры, отдайте пожалуйста Ниночкину сѣтку, говорила прибѣжавшая изъ дѣтской разстроенная Зина: она такъ сердится, что ужасъ! пожалуйста отдайте!

— У насъ нѣтъ, отвѣчали дѣвочки.

Зиночка ушла, но черезъ минуту опять вернулась, заплаканная и обиженная: вѣроятно милая подруга ея не пощадила и своего вѣрнаго друга.

— Сестры, да отдайте, ради Бога! вы не знаете какъ она сердится!

— Мери, отдай ей, вѣдь она тамъ прибьетъ Зину, сказала Лиза.

Зиночка опять заплакала, ей было горько на сердцѣ, но она никому не сказала

о томъ, что перенесла въ эти полчаса отъ самолюбивой дѣвочки. У Зины было сердце, и хотя она дурно выбирала своихъ друзей, но умѣла привязываться къ нимъ.

— Ну, что же, я пожалуй отдамъ, сказала Мери, и проворно побѣжала въ дѣтскую; обрадованная Зина за нею; а черезъ пять минутъ въ залѣ показалась и Ниночка; она шла въ гостиную, ни на кого не глядя, шла тихо, шагъ за шагомъ, накрывъ щеку платкомъ. Дѣти изъ любопытства послѣдовали за нею; тамъ Ниночка сдѣлалась еще печальнѣе. Тихо и нѣжно наклонясь къ матери, она что–то ей сказала; сердца дѣтей дрогнули, онѣ думали, что Ниночка жалуется; но вскорѣ успокоились, увидавъ, что хитрая дѣвочка, ссылаясь на зубную боль, просила уѣхать домой. Онѣ съ удивленіемъ слушали, какъ Нина печально разсказывала хозяйкѣ, что зубныя боли ее часто мучаютъ, какъ при этомъ гости принялись хвалить ангельское терпѣнье дочери, о которомъ разсказывала мать; какъ та, опустивъ голову, принимала незаслуженныя похвалы. Дѣти дивились и

негодовали; большіе, ничего не зная, любовались на разряженную, красивую и добрую дѣвочку. Что еслибы узнала мать, отчего выступили красныя пятна на лбу дочери и отчего такъ заплаканы глаза? Испугалась ли бы она всей испорченности ребенка, или порадовалась бы ея находчивости?

Дѣти, какъ пчелы жужжа и гудя въ кучкѣ долго толковали о ссорѣ, и рѣшили никому не говорить объ ней. Обиженная Зина весь вечеръ была очень задумчива, и на утѣшенье дѣтей съ горестью сказала: — Она меня не любитъ!

— Вотъ, есть о чемъ горевать, сказала Аля, желая утѣшить сестру. — Ниночка никого не любитъ, кромѣ своихъ нарядовъ, и то пока они новы! Замѣчаніе это было вѣрно.